вавшейся здесь героикой национальной борьбы и умел угадывать подлинно человеческие черты в застывших словесных формулах песеннего предания. В более молодые годы В. Скотт увлечен был также и югославянской поэзией, раскрывшейся ему в немецкой романтической передаче; он и сам, как известно, сделал стихотворный перевод знаменитой сербской эпической песни о жене Асан-Аги, следуя, по всей вероятности, немецкому переводу В. Гете.[7] Поэтому В. Скотт лучше многих других современных ему западных писателей мог оценить по достоинству поэтические красоты и действительное историческое значение «Слова о полку Игореве».

К сожалению, в бумагах, оставшихся после смерти В. Скотта (1832 г.), рукопись перевода «Слова», присланная ему В. П. Давыдовым, не была обнаружена; не отыскалось пока и следов работы над этим переводом в доступных нам бумагах В. П. Давыдова. Не найдено было также каких-либо отзвуков внимания и любопытства к «Слову» в писаниях В. Скотта последних лет его жизни; впрочем, после 1827 г. он писал мало, а предсмертные годы жил большей частью за границей, во Франции и Италии.

Нас может более удивить то обстоятельство, что В. П. Давыдов, рассказывая о своем знакомстве с В. Скоттом в 1878 г. в биографии своего деда, ни словом не упомянул об этом переводе, хотя и уделил достаточное внимание второстепенным подробностям и малозначительным анекдотам из трехлетней истории их личных сношений и переписки. В состоянии ли был сам Давыдов оценить значение этого маленького, но, с нашей точки зрения, весьма примечательного эпизода в истории его дружбы с «шотландским чародеем», или отсутствие упоминания «Слова» в его рассказах объясняется простой забывчивостью? Частичный ответ на этот вопрос дает, как нам кажется, приведенное выше свидетельство Е. В. Барсова: он несомненно писал со слов Давыдова, в то время уже графа Орлова-Давыдова.

Свидетельство Е. В. Барсова существенно потому, что оно дает недостающее звено к той цепи, началом которой служит признание самого В. П. Давыдова в его письме к отцу 1827 г.; узнав о том, что английский перевод «Слова» был выполнен и вручен В. Скотту, мы узнаем также, что́ он сказал по этому поводу. Но, по свидетельству Е. В. Барсова, приведенное им суждение В. Скотта высказано было в письме его к В. П. Давыдову; следовательно, либо это письмо не дошло до нас (хотя другие письма к нему В. Скотта сохранились), либо то, что Е. В. Барсов узнал непосредственно от корреспондента В. Скотта, было воспроизведено им неточно, в свободной передаче.

Для того чтобы устранить все эти затруднения, нам необходимо представить себе в общих чертах, когда и при каких обстоятельствах Е. В. Барсов мог узнать мнение В. Скотта о «Слове» и почему В. П. Орлов-Давыдов пожелал сообщить ему об этом. Думается, что мы в состоянии ответить на это со значительной степенью вероятности.

В. П. Давыдов еще до приобретения им графского титула получил в наследство родовое дедовское поместье, неподалеку от Москвы, с его известными драгоценными архивами, собранием древностей и замечательной библиотекой. Здесь, в Отраде, хранились, в частности, и все реликвии, связанные со знакомством В. П. Давыдова с В. Скоттом, рукописи, письма, альбомы; в Отраде в 70-е годы подолгу жил и сам хозяин, занятый разборкой архива и составлением большой двухтомной биографии своего деда.

---

[7] Подробнее об этом см. в моей статье «Байрон и фольклор» (Советский фольклор, 1941, № 7, стр. 193).